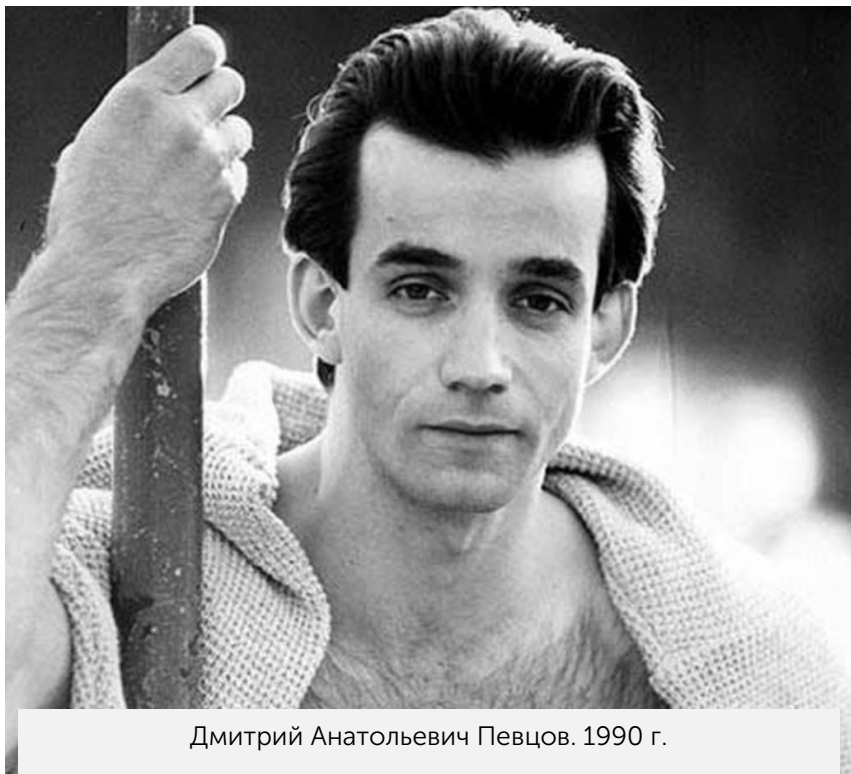

Дима Певцов

Актер театра и кино, педагог. Народный артист РФ. Лауреат Государственной премии

Дмитрий Анатольевич Певцов. 1990 г.

Москва, театр Ленком. Уютная гримуборная с благородно выцветшим от света звёзд ковром. Слева стол Олега Янковского, накрытый цветами и памятными вещицами. Только что кончился спектакль «Фальстаф и Принц Уэльский». Дмитрий Певцов, едва вышедший из роли, входит в дверь. В абсолютной театральной тишине начинается его рассказ — глубокий, духовный и внимательный.

Мы впервые встретились с Димой на съемках фильма «Любовь» Валерия Тодоровского. Я уже был типа известным артистом — у нас разница шесть лет — а он молодым, начинающим. Я играл одного нехорошего человека, который отбирает у него машину, а Дима тогда ещё не умел водить. Это было очень забавно: мы снимались, он сидел за рулем, и каскадер, лежа, нажимал за него педали. Эпизод, правда, вырезали, но с Димой я тогда познакомился. Это был 1990 год.

Дальше мы встретились уже в Ленкоме, куда он пришел чуть позже меня. Дима очень долго был в массовках, в «Юноне и Авось» мы в матросах вместе бегали, я играл «Фигаро», а он бегал в пейзажах и шутил всё время, хулиганил очень много. А потом вдруг Дима меня потряс — это был спектакль «Две женщины» Вовы Мирзоева по пьесе «Месяц в деревне» Тургенева. Его роль студента Беляева я хорошо запомнил — я увидел Диму как очень тонкого, интересного артиста. Он там совершенно грандиозно играл, и это отметил Марк Анатольевич Захаров, который до этого Диму просто в упор не замечал, хотя Дима к этому времени уже был Сочинителем в «Юноне и Авось».

Дмитрий Певцов и Наталья Щукина в спектакле «Женитьба Фигаро». Фотограф Александр Стернин. 1998 г.

Марьянов был хулиган, заводила, всеобщий любимец и сердцеед. Девчонки все падали, ложились и умирали со вздохом: «Марьянов, Марьянов!». Всегда от него исходила такая радостная история — история любви и света. Один раз, в 90-е годы, на Кинотавре, я увидел его в очень подавленном состоянии. Он был в гневе, в бешенстве, чуть ли не трясло его. Я не знаю, что там случилось, но у меня тогда была одна молитва, которая помогала, и я ему сказал: «Дима, посмотри, вот тебе молитва, перепиши её». И продиктовал ему. Думаю, он её вскоре забыл, но я запомнил его в этом состоянии обиды. Печальное очень состояние, не характерное для него. Он был человек физически и энергетически мощный, и наблюдать за ним в тот момент было очень страшно.

Работать с ним было очень интересно, весело и неожиданно. У него, мне кажется, была природная потребность шутить. И он это умел, делал это хорошо и на сцене, и в жизни. Помню, в Питере у нас были гастроли, и у меня там случился день рождения, круглая цифра — 35. Дима пришел утром и подарил мне маленького стеклянного котенка — а я в год кота родился. И в течение дня он мне подарил их еще штук десять — все были разноцветные — он подходил и вручал одного за другим. Вот такая была забавная штука.

Дмитрий Марьянов в спектакле «Юнона и Авось» Фотограф Александр Стернин. 1997 г.

Дима совершенно гениально показывал Караченцова. Потрясающе совершенно, так точно! Входил в буфет Ленкома и говорил его голосом: «Доообрый вечер, приятного аптита!». Все мгновенно подхватывались, думали, Петрович пришел — а нет, это Марьянов хулиганил. Когда мы играли «Фигаро», там была одна и та же реплика, он на каждом спектакле это говорил — теперь говорю я. И каждый раз он придумывал новую шутку. Сцена, когда граф ищет в беседке свою жену, подозревая, что она там, а Дима говорил: «Она там не одна — она там с конем!». Все смеялись.

Дмитрий Певцов и Елена Шанина. Спектакль
«Две женщины». 1998г.

Я помню, что мы всегда очень радостно с ним встречались, особенно на почве мотоциклов. Мотоцикл — это такая особая штука, в нем есть свой кайф, потому что все вокруг едут в железных коробках на четырех колесах, а ты голый и на двух. Есть в этом что-то от гордого всадника. Я не гоняю, для меня это лишь

функциональность, из точки А в точку Б. А Димка то и дело мне рассказывал: «А вот я купил, а мне подогнали, а он меня там ждет». Я помню, когда он купил первую или вторую свою машину — мы тогда снимались в «Львиной доле». Это был старый Lexus RX, кроссовер, и он говорил: «Слушай, Димон, такая машина, смотри! Она это может, и то!!!». Он в таком кайфе был. Машина подержанная уже была, но он был просто в восторге. Его такие вещи радовали, мужские игрушки.

У нас были общие друзья каскадеры — Дима Тарасенко, Валера Деркач. Дима очень плотно этим занимался, делал трюки, а я каждый раз думал: «Ничего себе, как это вообще, не сошел ли он с ума?». Он ведь и подо льдом Байкала плавал с аквалангом, и горел, у него были высотные падения. Это всё совсем не актерская работа. Мне кажется, у него в организме была какая-то потребность в этом, возможно, чтобы самому себе доказать, что он мужик. Дима — это что-то несущееся, абсолютно точно. Есть люди, которые просто быстро ездят на лошадях, а есть психи, которые при этом еще делают акробатические трюки на полном скаку. Вот Дима из таких. Ему всегда было мало, он еще на скорости что-то вытворял, усложнял, увеличивал риск. Я бы точно не стал всего этого делать. А его несло в ту сторону... Каскадеры, да, клёвые ребята, у них опасная, настоящая мужская работа, и это очень притягательно, но тот факт, что Дима этим занимался, для меня было звоночком. Когда я его потом встречал на «Дне Радио», примерно раз в полгода, я понимал, видел по нему, как он сгорает. Куда-то несется и не может остановиться. Такое самосжигание было. Я видел, как это в его лице происходит. И он же при этом постоянно шутки отпускал, а внутри — беда. Но что вот так Димка внезапно и рано уйдет, я никак не мог подумать. Несмотря ни на что, он оставался всегда мальчишкой.

Я был рад, когда заметил, что Дима стал очень интересен молчащим на экране. У него появилось человеческое содержание, ему было, о чем молчать. Я особенно отметил его фильм «Слушая тишину» с Алиной Сергеевой, это было очень убедительно. Я увидел большого серьезного артиста, а это нельзя изобразить, им нужно быть. Человеческий объем, его внутренние переживания, мысли, всё то, что удалось преодолеть и то, что несется с болью, — это большой клубок, из которого состоит его человеческая личность. Помимо сюжета, помимо слов, эта мощь идёт со сцены, с экрана, и на него очень интересно смотреть. Это такое редкое качество, когда ты

понимаешь, что перед тобой умный, глубокий, трагический и очень талантливый человек, всё вместе. Трюки, драки — это всё понятно, мы все это проходили. А вот вырасти в такого артиста, каким стал Дима, немногие могут. В сюжете «Слушая тишину» всё просто, скупо, но там есть история человека, которая мощнейшим образом рассказана Диминой индивидуальностью. Это останавливает тебя и заставляет думать.

Дмитрий Марьянов и Дмитрий Певцов. Кадр из кинофильма «Львиная доля». 2001 г.

Очень похоже, что Дима сгорел, как Высоцкий. Что-то есть схожее в их судьбах — Диме 47, Высоцкому 42. Я не знаю, что это такое, не мне судить. Когда человек живет без Бога, для него Храм не является средством спасения, очищения души, получения энергии, радости. Он пытается сам бороться со всем, что ему сопутствует. Это тяжело. Дима был человек очень талантливый, а талант — это прежде всего обязательства, «кому много дано, с того много и спросится». Садятся демоны на этого талантливого человека, и начинают его валтузить, только чтобы этот талант не вернулся обратно к Богу. Это человеческие страсти, страдания, которые тащат вдоль обрыва. Неумение бороться с тем, что сжигает. У Высоцкого это были любви его бесконечные, парализующие волю напитки и вещества, и его творчество, которому он отдавался практически до конца жизни. У Димы, очевидно, что-то другое, но это нечто, с чем человеку очень сложно справиться одному. У меня было ощущение, что он внутренне очень одинокий человек. Хотя он никогда не бывал

один. Что-то его грызло, не знаю, что это за сомнения и какие вины были у него внутренние. Но это его разнесло. И никто не мог остановить это. Как и Высоцкого никто не мог остановить. К сожалению, тут никто не поможет — ни любимая женщина, ни коллектив, никто не спасет. Страсти идут к самому талантливому, самому светлому, самому опасному. К тому, что дает любовь и радость, а Димка был в этом смысле редким человеком. Он был мужиком. Среди артистов мало мужиков, их практически в этой профессии нет. Я много знаю артистов, хороших, гениальных, популярных, но мужиков среди них я могу пересчитать по пальцам одной руки. Дима один из них. Быть мужчиной-артистом — это значит не быть артистом в жизни. Хотя он любил шутки и приколы, но он никогда не был бытовым Артистычем, который должен быть в центре внимания. Дима очень искренне и по-человечески, душевно существовал вне профессии, не на сцене, и от него шло ощущение, что он нормальный, настоящий. Среди артистов реально мало таких людей. И, может быть, вот это его «я мужик, я всё решу» и стало фатальным.

Дмитрий Певцов. Сцена из спектакля «Женитьба Фигаро». Фотограф Александр Стернин. 2000 г.

Моя жизнь такая, что я жил полнейшим везунчиком. Сколько дано, за всё спасибо, но, когда у меня случилось несчастье, какое-то время я жил в полном непонимании смысла своего существования. Всё, чем я жил до этого, стало ничем. Даже самое святое — собственная семья и младший сын, не говоря уже о профессии. Но я попал в храм, слава Богу, и у меня теперь есть понимание, как можно вытягивать себя за уши и за волосы из любой беды. Когда этого нет, когда не к кому обратиться, никто не сможет помочь. Человек, обладающий большими талантами от Бога, всё время ходит по грани, и это беда. А Димке Господь дал очень много, и он, мне кажется, очень много ещё развил в себе. Я наблюдал за ним от этого его заливчатского «Хандададэй!» до тончайшего, глубокого, драматического артиста. Притом, что юмор, хулиганство, — всё осталось. Может быть, через какое-то время люди ещё оценят, что он сделал. Я на это надеюсь.

Алина Катран-Шиллинг. Автор и составитель. Материал публикуется в авторской редакции.